

«ПОЭЗИЯ – СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА...»

Сегодня странной можно назвать не только современную поэзию, но и того, кто пишет стихи. Кому они нужны, кто их слушает или читает? К примеру, кому из любителей поэзии знакомо имя Надежды Агафоновой, дебютировавшей в периодике еще десять лет назад. Её творчество оказалось малоизвестным и среди библиотечных работников, впервые услышавших стихи поэтессы на авторском вечере.

Как говорится, есть повод к размышлениям. Следует учитывать и то обстоятельство, что первую традиционную книгу в её бумажном варианте Надежда опубликовала лишь несколько месяцев назад («Пой дождю осанну» – Симферополь, 2010), хотя является победителем ряда областных фестивалей, печаталась в сетевых изданиях, попала в солидные поэтические антологии Украины и России, сегодня автор приобретает известность интуитивно, сам ищет формы взаимодействия с аудиторией и читателем. Ясно и то, что в современном обществе ни одно имя не станет публичным до тех пор, пока не будет включено в круг интересов информационных каналов.

Н. Агафопова заговорила открыто, ярко, исповедально, без скидок на литературную подготовку того, кто возьмет в руки её книгу. Впечатление такое, что поэтессе вообще не интересно читать, она живет в своем мире, она растворена в нём. Любовная лирика героини – «настоящая стихия» (А. Торхов), её мотивы так плотно облечены в метафору, что порой непросто разгадать этот поток «негоуборочной машины», очищающей языковое пространство от малозначащих слов. Обычно

на таком литературном поле ориентиром служит интертекстуальность как особая организация текста.

«Зима. Крестьянин торжествуя...», нажимает пушкинскую клавишу поэтессы и мгновенно сочиняет свою историю. Упоминание зимы вызывает поток лирической рефлексии: «Фарфоровая – я! Мне хрупко. / И что есть снег – кристаллы соли/ Из глаз луны, что в этих сутках/ Расплакалась в земной юдоли». Цитирование классика в данном случае более свидетельствует не о связи с литературной традицией, а разрыве с ней. Оригинальность поэтического мира Агафоновой можно усмотреть в стремлении переместиться из детского «шаловливого» и настоящего тоже играющего мира в план серьёзного, космического – «созвездья Гончих Псов». Лишь условная мифология её текстов, обобщенная в образах света, падающей звезды, взметнувшейся птицы, создает хрупкое впечатление полноты и цельности спасительного времени для лирической героини автора.

Сможет ли быть интересной для читательской аудитории Н. Агафопова и станет ли для неё поэзия «ямбического происхождения» («Поэзия – странная женщина...») – «прощением», её «светлым воскресением»? Это будет зависеть оттого, сможет ли она преодолеть давление субкультурной стихии и не замкнётся в узком кругу излюбленных мотивов. Думается, здесь уместен и другой вопрос: найдет ли заинтересованный читатель дорогу к ней, её творчеству?